

– Не беспокойтесь, сударь, ни о чем, – сказал аптекарь. – Я обучу вас врачебному искусству в две недели. Я имел дела с врачами и во Франции и в других странах, и у меня большой опыт. Я знаю все их приемы и все их рецепты наизусть. А, кроме того, в этих краях достаточно иметь лишь солидную внешность и уметь угадывать, для того чтобы заслужить славу самого ученого врача в мире.

И со следующего дня аптекарь начал его учить, как прописывают унции, драхмы, скрупулы, горсти и щепоти,²¹⁸ а еще через день рассказал ему название наиболее употребительных лекарств, научил его отмеривать дозы, примешивать, взбалтывать и всему прочему. Это продолжалось девять – двенадцать дней, в течение которых школяр, по совету аптекаря, не выходил из дому, под видом нездоровья, а сам аптекарь постарался распространить по городу слух, что этот молодой человек – самый лучший, самый ученый из всех врачей, какие только когда-либо приезжали в Сент-Антонин. Жители весьма обрадовались этому и, когда он стал выходить из дома, начали всячески его ласкать и наперерыв приглашать к себе. Все они с великим удовольствием заболели бы только ради того, чтобы доставить ему практику и удержать его в своем городе.

Но школяр (что я говорю, школяр? – доктор, прошедший науку у аптекаря!) ломался, посещал лишь весьма немногих, старался солидно держаться и во всем советовался с аптекарем, который неизменно давал ему указания. Но вот понесли ему со всех сторон мочу. А в этих краях от врача требовалось, чтобы он угадывал по моче пол больного, что у него болит и сколько ему лет. Но этот врач оказался еще умнее: он угадывал, кто были родители больного, женат ли он или нет, с какого времени женат и сколько у него детей. Словом, с помощью господина аптекаря он узнавал у всех своих пациентов, от старого до малого, всю их подноготную: как только кто-нибудь приходил к нему с мочой, аптекарь принимался его расспрашивать, и, пока врач сидел у себя наверху, он узнавал все, что нужно, а затем, попросив посетителя немного подождать, тайком передавал врачу все сведения о том, кто принес мочу. Взяв мочу, врач немедленно принимался рассматривать ее сверху, ставил руку между посудиною и светом, опускал ее и с подобающей миной говорил:

– Это женщина.

– О, сударь! Вы говорите правду! Ей-богу!

– У нее болит левый бок под грудью (голова или живот, смотря по сведениям, которые давал ему аптекарь). Около трех месяцев назад она родила дочь.

Изумлению принесшего мочу не было границ. Немедленно же бежал он рассказывать по всему городу все, что слышал от врача, и слава о его учености переходила из уст в уста. Он сделался там первым человеком. Если случайно аптекаря не было дома, он сам выпытывал у руэргцев²¹⁹ нужные сведения, начиная с удивленного восклицания: «Тяжелая болезнь!» После чего посетитель тотчас же проговаривался: «у него» или «у нее». Затем, немного посмотрев мочу, он спрашивал:

– Ведь это мужчина?

– Сушая правда! Это – точно мужчина.

Когда же ему приходилось принимать больного при свидетелях, он всегда старался держаться поближе к своему учителю, и тот говорил с ним на медицинской латыни, которая была в те времена нежна, как крашеное сукно. Под этим сукном он передавал ему и рецепт, делая вид, что говорит о чем-то постороннем. Предоставляю вам полюбоваться на врача, пишущего рецепты под диктовку аптекаря! Но не знаю, что тут было причиной, мнение ли, которое он завоевал среди своих пациентов, или что-нибудь другое, а только больные, лечившиеся у него, выздоравливали, и не было во всем этом краю ни одного сына доброй матери, который у него не побывал бы. Все считали для себя счастьем заболеть, пока он у них, ибо думали, что если он от них уедет, то такого врача им уже не видать. Ему подносили тысячи всяких подарков – дичь, посудины с вином, и женщины вышивали для него платки и рубашки. За ним ухаживали, как за петушком под корзиной,²²⁰ и благодаря этому месяцев через шесть, через семь он сумел скопить изрядную кучу экю,

²¹⁸ Средневековые названия мер веса и объема, употреблявшиеся аптекарями.

²¹⁹ *Руэргцы* – то есть жители старинной французской провинции Руэрг, расположенной на юге страны.

²²⁰ Речь идет о домашней птице (в том числе и петухах), которую откармливали перед убоем и для этого сажали под специальные плетеные корзинки, чтобы она не двигалась и жирела.